

ОДИН
ИЗ 27 МИЛЛИОНОВ

Если бы идеологи гитлеровского рейха прочитали этот очерк Константина Симонова от 7 октября 1943 года, а прочитав, поняли бы его, у них навсегда исчезли бы вопросы, почему советский народ так упорно противостоит носителям «свободы» объединенной Европы.

Да и нынешним «помощникам» к счастливому будущему из ЕС и США стоило бы прочитать и вникнуть. Ведь подвиг Кирилла Матвеевича Кривенкова - это не жест отчаяния, это характер наших народов. Тот самый, который позволяет от раза к разу громить недругов, не позволяя осквернять нашу землю.

Он пришел в село Уть через несколько лет после отмены крепостного права. Пришел в голодный год. И, как тот сброшенный желудь, пророс корнями и поднялся крепким дубом на принявший его земле.

Мог ли он бросить эту землю? Мог ли оставить на попрание немецкой мерзости? Помня свое тяжелое детство, мог ли он обречь своих внуков и правнуков на такую долю? Кирилл Матвеевич встал на защиту своего дома, своей земли с тем, что было под рукой. Так же, как и все наши народы.

В тот день гитлеровцы сожгли 213 дворов и убили двенадцать жителей села.

Подготовили
Олег ЗИНЧЕНКО,
Наталья САЙКИНА.

НАШ САЙТ

СОЮЗНОЕ ВЕЧЕ

12+

Адрес редакции:
127015, Москва, ул. Новодмитровская,
д. 5а, стр. 8.
Тел. в Москве: +7(495) 777-02-82
(доб. 3343)
E-mail: souzveche@souzveche.ru
220013, Минск,
ул. Б. Хмельницкого, д.10а.
Тел. в Минске: +375 17310211
E-mail: infong@sb.by

RU - BY
(Россия - Беларусь)

Союзное Вече

RUBY. Новости
России и Беларусь

Вече

Распространяется в РБ: г. Минск, Брестская область, Витебская область, Гомельская область, Гродненская область, Минская область, Могилевская область. В РФ: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Алтай, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Калмыкия, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), Республика Северная Осетия - Алания, Республика Татарстан, Республика Тыва, Удмуртская Республика, Республика Хакасия, Чеченская Республика, Чувашская Республика, Алтайский край, Краснодарский край, Красноярский край, Приморский край, Ставропольский край, Хабаровский край, Амурская область, Ахангаранская область, Астраханская область, Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Волгоградская область, Воронежская область, Ивановская область, Иркутская область, Калининградская область, Калужская область, Камчатский край, Кемеровская область, Кировская область, Костромская область, Курганская область, Курская область, Ленинградская область, Липецкая область, Магаданская область, Московская область, Мурманская область, Нижегородская область, Новгородская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Орловская область, Пензенская область, Пермский край, Псковская область, Ростовская область, Рязанская область, Самарская область, Саратовская область, Сахалинская область, Свердловская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Томская область, Тульская область, Тюменская область, Ульяновская область, Челябинская область, Забайкальский край, Ярославская область, Еврейская автономная область, Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Крым, г. Севастополь.

К. СИМОНОВ

Это было на Гомельщине

Мне рассказали эту короткую историю его сын и его сосед. Рассказали вечером на шепелище сожженной немцами деревни Уть на Гомельщине. Уже начинало темнеть, ветер тянулся по земле едкий запах пожарища, и кучки красных углей тлели по обеим сторонам дороги там, где еще вчера стояли избы. Кругом голосила бабы по расстрелянным немцами мужикам и сыновьям, плакали дети, в развалинах печек, обжигая руки, рылись старухи, отыскивая среди черепков целые чугуны; а два старика стояли передо мной, опираясь на палки, и, глядя прямо перед собой склонившись, слезящимися от дыма глазами, рассказывали мне эту простую историю.

Когда пришли немцы, Кириллу Матвеевичу Кривенкову было от роду 93 года. Восемьдесят с лишним лет назад, в голодный год, он сиротой прибрел в эту деревню и приемышем прижался в отдель из сгоревших выше изб. Он был сиротой, и как ни здорово русское сердце, а все-таки сироте нелегко жить на свете, и много лет проливал он пот на этих полях, пока сам стал хозяином — сбил себе избу и засел усадьбу. Всё то, что вообще нелегко дается крестьянину в жизни, далось ему вдвое тяжело. И может быть поэтому или оттого, что он ни разу не отлучался из деревни, Кирилл Матвеевич любил эти места непоколебимой древней любовью труженика и старожила.

Когда в 1941 году пришла немецкая поганка, он, несмотря на многие годы своей жизни, был еще бодрым и сильным. Он сам рубил в лесу и возил дрова, ходил на покос, и его согнутые годами большие плачи все еще были не по-стариковски могучими. Его до старости не покидал шумный прав человека, выросшего на чужих хлебах и с детства привыкшего постоять за себя. Он был постоянным гостем на свадьбах, крестинах и поминках, он помнил старинные песни, а в веселые минуты отмачивал перед молодыми — молодыми же он считал всех, кому было меньше шестидесяти — шутки, которыми шучивали еще их отцы. Он был живой летописью деревни, и немало людей, которых он, будучи уже взрослым мужиком, помнил мальчишками, на его глазах горбились и тряхнули, а он все не менялся. Он не сгорбился даже тогда, когда пришли немцы. Только, как заметили сып и соседи, прав его вдруг переменился.

Часто постукивая о землю своим тяжелым стариковским дрючком, он угрюмо ходил вдоль деревни, оглядывая ее так, словно видел в первый раз. За долгую жизнь он привык к этим избам, к косогору, спускавшемуся по правую сторону деревни, и к зеленым лугам, уходившим вдаль по левую сторону, по сейчас все это не радовало его глаз. Жизнь стала подневольной. Захотят — оставят, захотят — сожгут, захотят — не возьмут корову,

захотят — сведут ее со двора, захотят — проедут мимо па своих черных машинах, захотят — зайдут в хату и будут жить, не спросив. Всё, что многие годы он считал своим, — перестало быть своим, стало нерадостным.

Кирилл Матвеевич день ото дня становился угрюмее, скучее на разговоры и равнодушнее к работе, которую раньше любил. Если что он и делал, так только чтобы прожить, чтобы не помереть с голоду. На второй год войны у него умерла жена, но когда сын попросил его перейти жить к нему в хату, старик отказался.

— В своем дому буду жить, — сказал он. — В моем дому ихней ноге не бывать.

Сын, знаяший характер старика, не стал спорить. Неизвестно почему — то ли Кирилла Матвеевича был неказист, то ли стоял он на ошибке, то ли просто случайно, — но за эти два года немцы не пробовали ни разу стать к нему на постой, не заходили, не ставили во дворе у него свои машины. Только однажды, на втором году, малые ребята, надсмеявшись над «полицаями» ища защиты от них, забежали во двор к Кириллу Матвеевичу. Троє «полишаев» бросились вслед за ними, но их встретил сам Кирилл Матвеевич. Нагнув голову, широко для упора расставив ноги, держа в руке свой дрючок, он грозно спросил, чего им занадобилось на его дворе. Когда же «полицай» захотели проскочить мимо него за ребятами, он преградил им путь... Испуганные, они ничего не сделали ему в тот день и ушли. Но когда Кирилл Матвеевич для чего-то через два вернулся с покоса с дюнами большиими вязанками травы, на дворе у него не оказалось коровы — забрали «полицая». Кирилл Матвеевич оглядел пустой двор, снявшись с плеча вязанки травы, пробормотал себе что-то под нос, снял пальто и, тяжело стуча дрючком, пошел в избу. Тут, против обыкновения, не перекрестясь на образа, он молчаливо залег на полати. Было жалко ему коровы, но еще более было обидно, что стар он и нельзя ему ни погнаться за обидчиками, ни сдаться ничего против них.

В субботний осенний день 1943 года до деревни дошла дальняя капопада. К Кириллу Матвеевичу прибежал сын и стал просить старика, чтобы он скрылся в лес вместе со всеми, потому что того и гляди сюда придут немцы и начнут жечь село.

— Выселики уже горят, видишь, горят, — говорил сын и показывал на вспыхнувшие на горизонте дымные столбы.

— Вижу, — сказал Кирилл Матвеевич.

— Пойдем в лес, сожгут твою избу.

— Не сожгут.

— А вот придут к тебе во двор и сожгут. — настаивал сын.

— А коли придут, я их вилами, — ответил старик. — Я их вилами, а потом нехай излят.

Тут сын заметил, что сидящий за валинке старик держит вместо обычного дрючка стальные вилы, воткнутые тремя отточенными зубьями в землю. Он раз за разом настойчиво повторял просьбу пойти в лес, но Кирилл Матвеевич упрямко качал головой и со стариковским упорством повторял одно и то же:

— А вот придут, а я их вилами.

Наконец, когда деревня с другого края уже запяллась, оттуда послышался треск автоматов, и сын убежал со двора, чтобы успеть увести в лес своих кричавших и плакавших дочерей и внучат. Кирилл Матвеевич остался ждать.

Дальше воочию видел сосед, который, задержавшись дома, не успел убежать в лес и, заметив немцев, прильнул к земле на огороде позади двора Кирилла Матвеевича.

Ход в избу к Кириллу Матвеевичу был один — через двор. Когда первый немец побежал во двор, то старик, стоявший с вилами наготове у самой калитки, молча размахнулся и ударил немца вилами прямо в брюхо, в кишки. Немец с разбега сам наткнулся на вилы и упал умирающий, визжащий, обливающийся кровью. Вслед за ним во двор вскочили еще четверо немцев. Видимо, годы все-таки сделали свое: рука Кирилла Матвеевича дрогнула, размахнувшись во второй раз, он не успел никого подстегнуть на вилы. Четыре немца повалили его и стали крутить и ломать ему руки. Один из немцев вставил дуло револьвера старику в ухо и застрелил его. Потом они втащили несколько пуков соломы в хату и запалили ее. Но на другом конце села уже строчили автоматы русских разведчиков. Едва успев подпалить хату, немцы побежали дальше, даже не подхватив с собой своего пятыго, запоротого вилами.

Так и застали вернувшиеся через полчаса крестьяне на дворе рядом с пылающей хатой два мертвых тела — лежавшего в луже крови запоротого вилами немца-факельщика и мертвого, со сломанными руками Кирилла Матвеевича, растянувшегося на спине во весь свой огромный рост посередине своего двора.

Ему было 93 года, когда пришли немцы, и 95, когда он свел с ними свиные счеты. Он пожертвовал своей старой жизнью, чтобы взять с собой в могилу одного из врагов, подругавшихся над землей, на которой он столько лет жил, не покладая рук работал и которую он любил великой любовью труженика и патриота, хотя, наверное, никогда в жизни ни разу не произнес этого слова.

Это было в деревне Уть Тереховского района Гомельской области на многострадальной Белоруссии в осенний, пахнувший лымом пожарный день, когда эта земля снова стала нашей.

ГОМЕЛЬСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ. (По телеграфу).